

Военно-политическая обстановка (ВПО) в Северо-Восточной Азии (СВА) характеризуется нестабильностью, обусловленной наличием серьезных противоречий в целевых установках основных государств региона, в число которых входят Россия, США, Китайская Народная Республика (КНР), Япония, Республика Корея (РК) и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР).

Так, на ситуацию в СВА влияет конкуренция Китая и США, исторические и территориальные противоречия между Пекином и Токио, Японией и РК. Наиболее острой является конфронтация между Сеулом и Пхеньяном, которые до сих пор не признают друг друга и не имеют мирного договора по окончании в 1953 году Корейской войны, рассчитывая на объединение Корейского полуострова каждый на своих условиях.

Существующие проблемы регулярно ставят этот район мира на грань возникновения вооруженного конфликта. Примером этого может служить обострение межкорейских отношений в августе 2015 года, обусловленное подрывом двух южнокорейских военнослужащих на противопехотных минах в Демилитаризованной зоне (ДМЗ) Корейского полуострова и последующей артиллерийской перестрелкой на границе между двумя странами. Ростом конфронтации сопровождалась и ядерные испытания КНДР в 2015-2020 гг.

Такие «особенности» ВПО заставляют государства Северо-Восточной Азии уделять значительное внимание военному строительству, направленному на формирование мощных армий, способных обеспечить безусловное превосходство над противником в традиционной войне. Немалый упор делается на развитие ракетного потенциала, создание и совершенствование оружия массового поражения, расширение возможностей по ведению операций в киберпространстве.

В этих условиях отечественным научно-исследовательским организациям необходимо проводить регулярную оценку наиболее вероятных сценариев возникновения вооруженного конфликта в Северо-Восточной Азии с учетом целевых установок заинтересованных сторон и боевого состава их вооруженных сил (ВС), а также прогнозировать возможные результаты такого столкновения. Например, в настоящее время, перспектива участия России в вооруженном конфликте на Корейском полуострове оценивается отечественными и зарубежными экспертами как крайне маловероятная. Однако, эксперты в большинстве случаев не рассматривают развитие ситуации в ближайшей и дальнейшей перспективе.

Военно-политический курс США в регионе

Согласно официальной позиции Вашингтона, военно-политический курс США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) основывается на пяти стратегических «опорах» – укрепление дружеских связей с союзниками, расширение сотрудничества с развивающимися государствами, построение конструктивных отношений с Китаем, упрочение региональных институтов и развитие экономической архитектуры. Этот подход был закреплен еще в Азиатской политической инициативе Б.Обамы, декларирующей «обеспечение стабильных, безопасных условий и регионального порядка в АТР, основанного на экономической открытости, мирном разрешении конфликтов и уважении универсальных свобод человека» [5].

Фактически, нарастание региональных и глобальных амбиций Китая продолжает оставаться главным фактором, обуславливающим для Вашингтона необходимость расширения военного, экономического, дипломатического и иного присутствия в регионе. Кроме того, учитывая исторически сложившуюся разобщенность стран АТР, Белый дом заинтересован в сохранении условий, при которых для этих государств более предпочтительным окажется развитие устойчивых связей с США, а не между собой. Это должно сохранить долгосрочную востребованность в американском «стабилизирующем» влиянии и обеспечить Соединенным Штатам возможность оказывать избирательное воздействие на ситуацию.

В этой связи основной целью политики США в Северо-Восточной Азии является обеспечение постоянного контроля за развитием военно-политической обстановки и недопущение ее обострения до уровня, ставящего под угрозу интересы Вашингтона и его союзников. Особое внимание уделяется поддержанию отношений стратегического партнерства с Японией и Республикой Корея и их переводу в трехсторонний формат, сохранению передового военного присутствия, дальнейшему развитию инфраструктуры и созданию благоприятных условий для перебросок при необходимости войск усиления. Кроме того, значительный упор делается на противодействие распространению оружия массового поражения и ракетных технологий.

В этих интересах в 2015-2020 гг. Белый дом активизировал консультации с Сеулом и Токио. В ходе контактов на всех, включая высший, уровнях Вашингтон стремился согласовать меры по наращиванию взаимодействия в военной и военно-технической областях, укреплению позиций американских производителей на местных рынках, снижению экономической зависимости от Пекина. Особый упор при этом делался на развитие трехстороннего сотрудничества США–РК–Япония, позволяющего преодолеть существующие разногласия между Сеулом и Токио, обеспечив их согласованные действия на международной арене.

Отдельным элементом военно-политического курса США в СВА является сохранение конфликтного потенциала на Корейском полуострове. Несмотря на формальное стремление к его мирному объединению, Вашингтон заинтересован в поддержании постоянно растущей «ракетно-ядерной угрозы со стороны Пхеньяна», обеспечивающей повод для нахождения в регионе крупной группировки американских вооруженных сил.

Основной формой воздействия на КНДР США по-прежнему считают жесткую санкционную политику со стороны Вашингтона и его ближайших союзников. В этих же целях поддерживаются любые действия по усилению конфронтации в периоды обострения ситуации на Корейском полуострове. При этом официальные заверения Белого дома в готовности защищать РК военными средствами сопровождаются демонстративным усилением активности американских авианосных сил, стратегической бомбардировочной и разведывательной авиации вблизи северокорейских границ, повышением интенсивности боевой подготовки.

В вопросах продолжения межкорейского диалога Вашингтон стремится обеспечить максимальный контроль Республики Корея, стремясь предупредить «чрезмерную» самостоятельность Сеула и возможность заключения им каких-либо договоренностей с Пхеньяном без учета американской позиции. Кроме того, оказывается давление на южнокорейскую сторону и в других аспектах международных отношений, включая выдачу прямых рекомендаций президенту РК о нежелательности участия в некоторых международных мероприятиях (70-летие Победы над фашизмом в мае 2015 г. в Москве, 70-я годовщина Победы над японским милитаризмом и окончания Второй мировой войны в сентябре 2015 г. в Пекине). США также активно пытаются вовлечь Сеул в кампанию по оказанию давления на Китай, нацеленную на принуждение КНР к отказу от территориальных претензий в Южно-Китайском море.

Одновременно Вашингтон продолжает наращивать взаимодействие с РК в энергетической, аэрокосмической, кибернетической областях. Активизирует сотрудничество в вопросах противодействия международному экстремизму и терроризму, защиты окружающей среды.

Военно-политический курс КНР в регионе

Политика Китайской Народной Республики в Северо-Восточной Азии направлена на поддержание стабильности на Корейском полуострове, а также укрепление военного и экономического влияния Пекина в регионе.

Главными факторами, определяющими характер действий руководства КНР в СВА, являются антикитайский характер деятельности США и непредсказуемость внешнеполитического курса Пхеньяна во главе с Ким Чен Ыном.

В этой связи Пекин, используя свои возможности для воздействия на северокорейское руководство, стремится не допустить каких-либо "непродуманных" действий последнего в ответ на активную военную деятельность США и Республики Корея по «устрашению» Пхеньяна. Наряду с этим китайское руководство не снижает усилий, направленных на формирование условий для возобновления шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова [8].

Развивая двустороннее сотрудничество с КНДР, Пекин исходит из того, что проводимый новым северокорейским лидером внешнеполитический курс не в полной мере отвечает стратегическим интересам Китая по поддержанию стабильности в регионе. При этом оказание всесторонней поддержки Ким Чен Ыну обуславливают необходимостью не допустить обострения обстановки и обеспечить стабильность на Корейском полуострове и одновременно рассматривают как возможность усиления своего влияния на формирование внутри- и внешнеполитического курса обновленного руководства КНДР. Однако, наряду с оказанием Пхеньяну политической поддержки и экономической помощи, китайское руководство при формальном подтверждении своих союзнических обязательств всемерно стимулирует северокорейцев к проведению экономических реформ и отказу от деструктивной политики в отношении Вашингтона и Сеула.

Кроме того, Пекин осуществляет активные двусторонние обмены с Пхеньяном по линии межпартийного взаимодействия. В развитии торгово-экономических связей основные усилия сосредотачиваются на укреплении своих позиций в этой стране и стимулировании КНДР к проведению экономических реформ по китайскому образцу. При этом Пекин стремился расширить свой доступ к северокорейским сырьевым ресурсам, а также к объектам транспортной инфраструктуры, в первую очередь обеспечивающим прямой доступ к побережью Японского моря.

Несмотря на это, в целом отношения Пекина с Пхеньяном оцениваются южнокорейскими и американскими экспертами как прохладные. По мнению союзников, это обусловлено регулярным нарушением КНДР договоренностей в рамках ограничения ядерных и ракетных программ. В частности, Китай поддержал решения Совета безопасности ООН, осуждающие запуск северокорейской ракеты-носителя "Ынха-3" в декабре 2012 года и проведение ядерного испытания в феврале 2013 года. Тестовый подрыв боеприпаса, названного Пхеньяном водородной бомбой, в январе 2016 года также стал для Пекина «неприятным сюрпризом», о котором северокорейское руководство «забыло» заранее предупредить китайских партнеров. В этой связи КНР выразила разочарование провокационными действиями Пхеньяна, заявив о готовности способствовать принятию новой резолюции Совета безопасности ООН [11].

Связи КНР и Республики Корея в политической сфере развиваются поступательно. В ходе контактов и консультаций в 2015-2020 гг. стороны подтвердили договоренности о дальнейшем укреплении стратегического партнерства, налаживании двусторонних диалоговых механизмов, включая задействование прямых линий связи между внешнеполитическими ведомствами двух государств. Важным фактором, стимулирующим наращивание взаимодействия Пекина с Сеулом, стало торгово-экономическое сотрудничество. Китай является ведущим торговым партнером РК, на долю которого приходится более 20% южнокорейского товарооборота. В свою очередь Республика Корея – шестой по величине внешнеторговый контрагент КНР.

Помимо активизации отношений с Республикой Корея, Китай серьезное внимание уделяет развитию регионального сотрудничества в трехстороннем формате Пекин–Сеул–Токио, который китайской стороной рассматривается как важный противовес американскому влиянию в СВА. Кроме того, Пекин стремится создать предпосылки для превращения экономического взаимодействия с Японией и РК в ключевой фактор интеграционных процессов в АТР за счет расширения его рамок до «АСЕАН плюс шесть» (КНР, Япония, РК, Индия, Австралия и Новая Зеландия). По замыслу Пекина, этот сценарий мог бы стать эффективным ответом на действия Вашингтона по формированию Транстихоокеанского

экономического партнерства, нацеленного на снижение роли китайской экономики в развитии ситуации в регионе.

Военно-политический курс Японии в регионе

Военно-политический курс японского руководства в Северо-Восточной Азии направлен на усиление влияния Токио на региональные процессы и укрепление союзнических отношений с США.

При этом основное внимание Токио сосредоточено на создании новых концептуальных основ реализации политики в области обороны и безопасности, реформировании участвующих в ее осуществлении органов государственной власти, дальнейшем углублении японско-американского стратегического партнерства, а также на расширении функций национальных вооруженных сил по защите государственных интересов.

Для достижения поставленных целей японское правительство в июле 2014 года приняло решение о начале процедуры отмены законодательных ограничений на использование «сил самообороны» в составе коалиционных группировок войск (сил) без непосредственной угрозы безопасности Японии (так называемое право на коллективную оборону). В январе 2014 года приступил к работе постоянно действующий Совет национальной безопасности – высший государственный орган, отвечающий за разработку основных направлений внешней политики, военного строительства и реагирования на чрезвычайные ситуации.

Особое место в политике японского руководства занимает отношение к ядерному оружию. Правительство декларирует свою приверженность соблюдению трех «безъядерных принципов» – не производить, не иметь и не ввозить ядерное оружие. В то же время в японских политических кругах продолжается дискуссия об оправданности обладания Японией собственным ядерным потенциалом. Основным аргументом в пользу положительного решения данного вопроса выдвигается тот факт, что конституция не запрещает иметь на вооружении какой-либо определенный тип оружия (в т.ч. ядерное), минимально необходимый для обороны страны [5].

Под предлогом усиления ракетно-ядерной угрозы в Азии Япония активизирует усилия по формированию юридических, научно-технических и промышленно-технологических условий для эффективного освоения космоса в военных целях. В частности, министерство обороны на основании закона «Об использовании космического пространства» осуществляет НИОКР по созданию современных искусственных спутников Земли, принимает меры по налаживанию их производства на японских предприятиях или закупке за рубежом, развертыванию собственной орбитальной группировки и ее эксплуатации.

Главным внешнеполитическим приоритетом Японии остается укрепление союза с Вашингтоном, который рассматривается в качестве необходимого условия гарантированного обеспечения национальной безопасности. Кабинет министров страны активизировал переговорный процесс с американской администрацией в интересах совершенствования нормативно-правовой базы двустороннего взаимодействия в военно-политической сфере. Результаты этой работы стороны закрепили в новой редакции соглашения "Об основных принципах японско-американского сотрудничества в области обороны", подписанной в апреле 2015 года в ходе визита премьер-министра Японии в США. Предусматривается, в частности, расширить «традиционный» перечень решаемых вооруженными силами двух стран задач по обеспечению безопасности Японии и реагированию на кризисы регионального масштаба (Корейский полуостров), включив в него совместное противодействие возникающим угрозам и вызовам в любых районах мира.

Приоритетное внимание предполагается уделить таким сферам взаимодействия, как противоракетная оборона, разведка, обеспечение безопасности морских коммуникаций, миротворческая деятельность, совместная оперативная и боевая подготовка и материально-техническое обеспечение войск, оказание помощи в наращивании боевых потенциалов

вооруженных сил региональных союзников, а также контроль за соблюдением введенных США и Японией экономических санкций.

В качестве перспективных областей развития стратегического партнерства определены сотрудничество в космическом и кибернетическом пространстве, в том числе в сфере защиты орбитальных группировок, компьютерных сетей и информационных систем двух стран.

Важным направлением внешнеполитической деятельности в Токио считают активное участие в процессах создания многосторонних механизмов военно-политического взаимодействия в таких форматах, как Япония–США–Австралия, Япония–США–Республика Корея.

С Китайской Народной Республикой взаимоотношения Японии остаются сложными. В Токио неоднократно заявляли о негативном влиянии планов Пекина в сфере военного строительства на поддержание стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и необходимости принятия "ответных мер" на попытки КНР оспорить японский «суверенитет» над островами Сенкаку (Восточно-Китайское море).

По-прежнему бескомпромиссны подходы Токио к налаживанию контактов с КНДР, допускающие возможность ужесточения односторонних санкций против Пхеньяна. В качестве главных требований для нормализации отношений выдвигаются решение проблемы похищенных в 1970–1980 годах северокорейскими спецслужбами японских граждан, полное свертывание ракетной и ядерной программ [7].

В рамках военного строительства Япония последовательно реализует планы по созданию многофункциональных войск (сил), способных эффективно реагировать на разноплановые угрозы в любых районах мира. Главные усилия сосредоточены на качественном повышении боевых возможностей вооруженных сил при некотором снижении численности личного состава, количества вооружения и военной техники. Приоритетными задачами определены: повышение мобильности войск, эффективности ведения разведки, совершенствование системы управления, противоракетной обороны, модернизация вооружения и военной техники.

В целом военно-политический курс Японии характеризуется стремлением японского руководства обеспечить лидирующее положение страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе в качестве экономической и военной державы. Решению данной задачи призваны способствовать изменения в подходах Токио к определению приоритетных направлений военного строительства и роли силового фактора в отстаивании национальных интересов.

Военно-политический курс Республики Корея в регионе

Военно-политический курс Сеула направлен на поддержание стабильности на Корейском полуострове, укрепление безопасности страны и ее международных позиций путем дальнейшего упрочения сотрудничества с США, развития всесторонних связей с ведущими странами Западной Европы и совершенствования национальных вооруженных сил. Стратегической целью провозглашено преодоление раскола Кореи на два государства, в том числе создание условий для их объединения.

В отношении КНДР южнокорейское руководство проводит политику, основным содержанием которой является оказание давления на Пхеньян в интересах свертывания северокорейских ядерных НИОКР и прекращения реализации ракетной программы. В этих целях Сеул ввел санкции против КНДР и отказался от осуществления большинства совместных инвестиционных проектов, а также установил запрет на заходы северокорейских судов в морские порты РК и их проход через свои территориальные воды. Министерство обороны восстановило концепцию «основного противника» в военно-доктринальных документах, в качестве которого рассматривается Пхеньян.

В настоящее время Сеул полагает, что вероятность провокационных действий со стороны Пхеньяна, в том числе военного характера, сохраняется. Исходя из этого, южнокорейская администрация продолжает мероприятия по наращиванию боевой мощи вооруженных сил, развертыванию национальной системы противоракетной обороны и дальнейшему укреплению стратегических партнерских отношений с США [2].

Реализация Республикой Корея политики на северокорейском направлении осуществляется в тесном взаимодействии с Соединенными Штатами Америки. Военно-политический союз с Вашингтоном рассматривается Сеулом в качестве основного фактора обеспечения национальной безопасности, гарантирующего в первую очередь сдерживание «агрессивных» намерений КНДР. Южнокорейское руководство выступает за сохранение американского военного присутствия на Корейском полуострове на длительную перспективу.

Основой договорно-правовой базы союзнических отношений Республики Корея с США является бессрочный Договор о взаимной обороне (1953 г.), в соответствии с которым «каждая сторона признает, что вооруженное нападение в зоне Тихого океана на территорию одной из сторон, находящуюся под ее административным контролем или признаваемую в дальнейшем одной из сторон как законно взятую под административный контроль другой стороной, будет представлять угрозу миру и безопасности другой стороны, и заявляет, что будет действовать против общей опасности в соответствии со своими конституционными процедурами».

На территории РК развернута группировка американских войск, которая использует в своих интересах 110 южнокорейских военных объектов. Взаимодействие вооруженных сил Республики Корея и США осуществляется под руководством Объединенного американско-южнокорейского командования (ОАЮК), сформированного в 1978 году. Созданы и действуют совместные органы управления и разведки, единая система противовоздушной обороны. Совместная оперативная и боевая подготовка вооруженных сил двух стран отличается высокой интенсивностью и направлена в первую очередь на отработку способов применения объединенной группировки в ходе вероятного вооруженного конфликта на Корейском полуострове (учение «Фоул игл/Токсури», командно-штабное учение «Бльчжи/Фридом гардиан» и др.).

Соединенные Штаты также рассматриваются в качестве приоритетного партнера в сфере военно-технического сотрудничества. На их долю приходится около 90% общего объема южнокорейского импорта продукции военного назначения (ПВН). При этом основное внимание уделяется приобретению авиационной техники, высокоточного оружия, радиоэлектронного оборудования и технологий их производства. Общая стоимость заключенных к настоящему времени контрактов на поставку ПВН американского производства для ВС РК превышает 20 млрд. долл.

При выстраивании отношений с Японией Республика Корея исходит из необходимости последовательно наращивать двустороннее политическое и экономическое взаимодействие. Однако развитию межгосударственных связей препятствуют существующие противоречия, связанные с нежеланием Токио отказаться от притязаний на южнокорейские скалы Лианкур (острова Токто/Такэсима). Острым углом остается также проблема принесения Японией официальных извинений и выплаты денежных компенсаций жертвам сексуального рабства в период японской оккупации Кореи [4].

Вместе с тем в последние годы сторонам удалось повысить уровень сотрудничества по глобальным проблемам, в том числе в сфере региональной безопасности. Сеул и Токио проводят скоординированную политику на северокорейском направлении и придерживаются единого подхода к урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП). Активизируются военные связи в трехстороннем формате США–Япония–РК.

Важное место во внешней политике Республики Корея отводится китайскому направлению. Сеул считает КНР одним из ведущих государств региона, от позиции которого в значительной степени зависят перспективы развития ситуации на Корейском полуострове. Это

обуславливает интерес РК к углублению всесторонних, в том числе военных, связей с Пекином в целях использования китайского фактора для воздействия на Пхеньян в процессе урегулирования ЯПКП. В рамках расширения сотрудничества в области обороны принимаются меры по налаживанию взаимодействия в сферах предотвращения опасной военной деятельности на море и в воздушном пространстве, ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф. В декабре 2015 года вступило в силу соглашение о свободной торговле между двумя странами.

В соответствии с положениями военной доктрины Республики Корея одним из важнейших инструментов достижения политических целей являются национальные вооруженные силы. В качестве наиболее вероятного противника руководство страны рассматривает КНДР.

В связи с этим разработаны планы развития ВС РК и их боевого применения, которые предусматривают участие Республики Корея во взаимодействии с США во всех видах войн (всеобщей, ограниченной и локальной) на Корейском полуострове и в зоне Тихого океана. Кроме того, Вашингтон и Сеул реализуют "Стратегию расширенного сдерживания КНДР от применения ядерного и других видов оружия массового поражения" (2013 г.), которая закрепляет потенциальную возможность нанесения упреждающих ударов в случае реальной угрозы использования ОМП северокорейской стороной.

В области строительства вооруженных сил руководство Республики Корея проводит курс, направленный на повышение самостоятельности в вопросах обеспечения национальной безопасности при одновременном укреплении военно-политического союза с Соединенными Штатами Америки. Главной целью, зафиксированной в плане реформирования национальных ВС на период до 2030 года, является создание современных, технически хорошо оснащенных и компактных вооруженных сил, способных эффективно противостоять потенциальным и внезапно возникающим угрозам безопасности страны. При этом основные усилия предусматривается направить на оптимизацию организационно-штатной структуры войск (сил), совершенствование системы управления, оснащение соединений и частей современными вооружением и военной техникой, внедрение информационных технологий, повышение эффективности оперативной и боевой подготовки [12].

Военно-политический курс КНДР в регионе

Военно-политический курс КНДР, по своей сути, направлен на обеспечение выживания действующего режима и сохранение культа личности вождя.

Главным средством достижения этой цели является ускоренная реализация концепции строительства «мощной державы» на основе «корейской» модели социализма. При этом Пхеньян исходит из тезиса о необходимости распространения своей идеологии на весь Корейский полуостров, укрепления сотрудничества с «независимыми» государствами мира и «борьбы с империализмом и его союзниками» в глобальном масштабе.

Теоретической основой деятельности руководства КНДР является государственная идеология «чучхе», основной смысл которой сводится к «независимости в политике и опоре на собственные силы в экономике и обороне». В современных условиях активно поддерживается тезис об авангардной роли армии как ведущей силы общества. Официально этот лозунг оформлен с 1995 года в виде военно-ориентированной политики («сонгун»), которая рассматривает военное строительство в качестве «государственного приоритета» во всех сферах деятельности.

Особенностью военно-политического курса Пхеньяна является сочетание демонстративных заявлений и попыток возобновить региональные переговорные процессы на приемлемых для себя условиях с бескомпромиссным отстаиванием принципиальных позиций по ключевым вопросам, включая межкорейское урегулирование и решение ЯПКП [9].

Нормализация двусторонних отношений с Соединенными Штатами Америки рассматривается КНДР как главный фактор обеспечения национальной безопасности. Основной целью в этом плане является выход на прямой диалог с Вашингтоном по военно-политическим проблемам и создание условий для подписания мирного договора, который должен заменить существующую договорную базу, основанную на соглашении о перемирии 1953 года. По оценкам северокорейского руководства, даже частичное решение данной задачи позволит расширить доступ к иностранным инвестициям и технологиям, необходимым для модернизации экономики.

Республику Корея КНДР считает временно отделенной частью единого корейского государства и официально выступает за мирное объединение родины без вмешательства внешних сил. При этом Пхеньян, несмотря на заинтересованность в возобновлении диалога и сотрудничества с Сеулом, не идет на снижение уровня военной напряженности на Корейском полуострове и взаимное сокращение группировок войск (сил) сторон в приграничных районах, связывая такие шаги с безусловным выводом контингента ВС США с территории Республики Корея. При выстраивании политики в отношении РК Пхеньян принимает во внимание то, что Сеул воспользовался сохраняющейся напряженной ситуацией в межкорейских отношениях в качестве повода для корректировки своих планов военного строительства, ускоренного наращивания ударного потенциала национальных вооруженных сил и строительства собственной системы противоракетной обороны, а также продолжает курс на укрепление военно-политического союза с США и налаживание взаимодействия с Японией.

Китайская Народная Республика рассматривается руководством КНДР в качестве ближайшего стратегического союзника, способного «немедленно оказать военную и другую помощь», если Пхеньян «подвергнется вооруженному нападению со стороны одного или нескольких государств» (двусторонний Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, 1961 г.). В рамках торгово-экономического сотрудничества северокорейское руководство добивается увеличения объемов китайских инвестиций в экономику КНДР и расширения участия Пекина в реализации различных совместных проектов в промышленности, сельском хозяйстве и транспортной сфере. Большое значение Пхеньян придает расширению связей с КНР в военной и военно-технической областях, в том числе возобновлению практики поставок китайской продукции военного назначения на безвозмездной основе.

Вместе с тем в отношениях северокорейцев с китайцами сохраняется тенденция к их последовательному охлаждению, что выразилось в существенном сокращении уровня и интенсивности контактов в политической и военной областях. Основной причиной этого стало усиление расхождений сторон в подходах к урегулированию региональных проблем, в первую очередь касающихся ядерной проблемы Корейского полуострова.

Россию КНДР рассматривает в качестве потенциального партнера для взаимодействия в различных сферах. Выступая за развитие политического, торгово-экономического и военного сотрудничества, Пхеньян рассчитывает заручиться поддержкой Российской Федерации в решении проблем регионального урегулирования, а также получить экономическую, финансовую и военно-техническую помощь, необходимую для выполнения народно-хозяйственных задач и реформирования национальных вооруженных сил.

Северокорейское руководство полагает, что, несмотря на наличие определенных разногласий, в настоящее время стратегический курс России по многим направлениям совпадает с интересами КНДР. Северокорейцы официально поддерживают подходы РФ к решению ряда международных проблем, в том числе по урегулированию украинского кризиса, а также деятельность, направленную на укрепление российских позиций в мире, считая это важным фактором обеспечения стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом Пхеньян полагает, что на данном этапе основой для укрепления двустороннего сотрудничества в различных областях могут стать усилившиеся противоречия между Россией и Западом, в том числе в связи с событиями на Украине.

К своим главным политическим и военным противникам северокорейское руководство относит Соединенные Штаты Америки и их союзников – Республику Корея и Японию.

Официально провозглашенная военная доктрина КНДР носит оборонительный характер. Тем не менее ряд ее положений предусматривает возможность нанесения внезапных упреждающих ударов по "противникам объединения Кореи", что свидетельствует о готовности Пхеньяна применить вооруженные силы для достижения своих внешнеполитических целей [13].

В этих условиях задача наращивания мощи Корейской народной армии (КНА) по-прежнему остается на первом плане. При этом основной фокус делается на повышении обороноспособности страны и сдерживании потенциальных угроз за счет развития возможностей КНА по ведению действий в киберпространстве, совершенствованию ядерного и ракетного потенциалов.

Также, по оценкам американских экспертов, КНДР активно развивает экспорт за рубеж своих баллистических ракет, комплектующих, материалов и технологий для их производства. В число северокорейских партнеров в этой области входят Иран и Сирия. Не исключается возможность распространения сырья и научных знаний для производства оружия массового поражения.

Сценарии возникновения вооруженного конфликта в регионе

Оценивая характер существующих и потенциальных угроз, американские и южнокорейские военные эксперты исходят из того, что главным источником военной опасности и основным дестабилизирующим фактором на ближайшую перспективу в Северо-Восточной Азии останется КНДР [14].

Это обусловлено тем, что Пхеньян до настоящего времени не отказался от планов объединения Кореи с использованием силы. Ситуация осложняется тем, что РК и КНДР по-прежнему юридически находятся в состоянии войны. При этом существующие механизмы обеспечения безопасности на Корейском полуострове базируются на временном, по своей сути, Соглашении о перемирии в Корее 1953 года, которое определяет лишь условия прекращения военных действий и разделения противоборствующих сторон. Достигнутые же в последующем межкорейские договоренности в военно-политической области до настоящего времени остаются нереализованными.

В РК считают, что современный конфликт, независимо от его масштабов, будет характеризоваться следующими особенностями:

- усилением информационного противоборства;
- активным проведением силами специального назначения операций (боевых действий), в том числе до начала военных действий;
- стремлением сторон к подавлению и дезорганизации систем управления и связи, тыла противника и его коммуникаций уже на начальном этапе конфликта;
- широким применением высокоточного оружия и средств дальнего огневого поражения с целью одновременного нанесения ударов по войсковым группировкам, объектам военной и гражданской инфраструктуры на максимальную глубину;
- увеличением числа жертв среди гражданского населения и угрозой подрыва экономического потенциала воюющих сторон.

При этом боевые действия могут вестись с применением обычных средств и оружия массового поражения.

В этой связи сдерживание Пхеньяна и обеспечение постоянной готовности национальных вооруженных сил к ведению военных действий на Корейском полуострове рассматривается Республикой Корея в качестве основной задачи, обуславливающей направления военного строительства и боевой подготовки. Применение национальных ВС против других государств региона на данном этапе не планируется, несмотря на наличие пунктов американско-южнокорейского договора о взаимной обороне, предполагающих возможность ведения совместных с США боевых действий в пределах всей Тихоокеанской зоны в случае вооруженного нападения на одну из сторон.

При этом по оценке экспертов МО РК, в настоящее время Сеул пока не в состоянии самостоятельно обеспечить свою военную безопасность и отразить агрессию Пхеньяна. Поэтому в качестве главного союзника рассматривает США и полагает, что вероятный конфликт с КНДР примет форму коалиционной войны, которая будет вестись силами объединенной американско-южнокорейской группировки. Кроме того, не исключается возможность участия ВС стран, входящих в состав Командования войск ООН в Корее.

Конкретные варианты обострения обстановки на Корейском полуострове и вероятные шаги противоборствующих сторон описываются оперативным планом Объединенного американско-южнокорейского командования «ОПЛАН–5015», вступившим в силу 1 января 2016 года. Документ объединил действовавшие до этого «ОПЛАН–5027» и «ОПЛАН–5029», которые регламентировали порядок защиты РК от вооруженного вторжения КНДР («ОПЛАН–5027») и действия в случае дестабилизации внутривнутриполитической обстановки на северокорейской территории («ОПЛАН–5029»).

Военное вторжение КНДР на территорию Республики Корея

Возможность вторжения КНДР на территорию Республики Корея рассматривается Сеулом и Вашингтоном в качестве основного варианта начала вооруженного конфликта на Корейском полуострове. При этом не исключается вероятность использования северокорейским руководством военной силы для решения своих внешне- и внутривнутриполитических проблем, а также в интересах защиты существующего политического режима.

Наступление может осуществляться внезапно или начинаться серией вооруженных провокаций с последующим наращиванием интенсивности и масштабов боевых действий. Ожидается, что стороны будут преследовать решительные цели и применять средства поражения на всю глубину ТВД.

Начальный этап конфликта будет сопровождаться массированными ракетными, артиллерийскими и авиационными ударами ВС КНДР по военным, промышленным и административно-политическим объектам Республики Корея, а также высадкой (выброской) в тыловые районы РК тактических морских (воздушных) десантов и подразделений специального назначения. При этом Сеул не исключает вероятность применения Пхеньяном оружия массового поражения [15].

Южнокорейское командование исходит из того, что угрожаемый период будет ограничен по времени и составит не более 15 суток. В этой связи при организации первой оборонительной операции учитывается возможность начала самостоятельных боевых действий ВС РК (при поддерживающей роли ВС США в РК) в составе группировки мирного времени или после частичного стратегического развертывания. Переброски дополнительных формирований планируются комбинированным способом на штатной технике и транспортных средствах (железнодорожными эшелонами, самолетами военно-транспортной и гражданской авиации, вертолетами армейской авиации, а на острова Желтого моря – десантными кораблями ВМС и гражданскими морскими паромами).

Оценочная продолжительность первой оборонительной операции ВС РК может составить до 180 суток. Ее цель будет заключаться в отражении вторжения, нанесении поражения наступающим войскам противника, удержании важнейших районов и рубежей, недопущении прорыва ударных группировок вглубь территории страны, создании условий для завершения мобилизационных мероприятий, переброски на полуостров дополнительного контингента ВС США и перехода войск (сил) объединенной группировки в контрнаступление.

Основные усилия предусматривается сосредоточить на сеульском и центральном направлениях в интересах обороны столичного района и лишения противника возможности продолжать активные наступательные действия. С завершением стратегического развертывания планируется проведение контрнаступательной операции с целью восстановления первоначального положения по военно-демаркационной линии.

В дальнейшем не исключается развитие наступления ОАЮК в глубину территории противника, в ходе которого предполагается разгромить основные силы КНА южнее рубежа Пхеньян – Вонсан, захватить и удерживать ключевые районы КНДР, обеспечив тем самым возможность формирования новой администрации, ориентированной на Сеул и Вашингтон. В этом случае конечной целью войны считается смена существующего на севере Кореи режима и объединение страны на условиях Юга.

Командование ВС Республики Корея полагает, что обязательным элементом военных действий станут воздушные наступательные и оборонительные операции объединенной группировки ВВС. Главным их содержанием считается нанесение массированных ракетных и авиационных ударов по объектам на всей территории КНДР в интересах подрыва ее военного и военно-экономического потенциала, создания благоприятных предпосылок для последующего разгрома КНА и оккупации Севера [16].

С учетом физико-географических особенностей Корейского полуострова особое внимание обращается на применение сил специального назначения, тактических воздушных и морских десантов, легких пехотных формирований, а также организацию противодиверсионной обороны тыловых районов и наиболее важных объектов.

Дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в КНДР

Вариант предусматривает возможность краха действующего режима Ким Чен Ына, обуславливающего необходимость военного вмешательства Республики Корея и США для стабилизации обстановки.

Разработано несколько сценариев развития ситуации, включая государственный переворот и начало гражданской войны в КНДР, крупномасштабное стихийное бедствие или техногенную катастрофу, потерю официальными властями контроля над имеющимися запасами ядерного, химического или биологического оружия, массовое бегство северокорейского населения на территорию сопредельных государств.

В этих случаях ожидается проведение группировкой Объединенного американско-южнокорейского командования операции под непосредственным руководством штаба ОАЮК с задачей установления эффективного контроля над стратегическими объектами КНДР или их уничтожения [17].

Вместе с тем характер действий союзников будет зависеть от позиций Китая и Российской Федерации, которые, по оценкам американских и южнокорейских экспертов, также могут ввести контингенты вооруженных сил на северокорейскую территорию для пресечения гуманитарной катастрофы в непосредственной близости от национальных границ и сохранения своего политического влияния в регионе.

Превентивный удар США и Республики Корея по северокорейской территории

Принципиальным отличием принятого в январе 2016 года «ОПЛАН-5015» от предыдущих документов стало положение о возможности нанесения ВС Республики Корея совместно с ВС США упреждающего или ответно-встречного удара по важным объектам КНДР (ракетные и военно-морские базы, аэродромы, склады ОМП, пункты государственного и военного управления, скопления войск) при выявлении признаков подготовки Пхеньяна к агрессии, угрозы или начала применения им ракетного вооружения и ОМП. Основной задачей при этом является создание условий, при которых противник не сможет перейти к полномасштабным боевым действиям.

Однако по оценкам американских и южнокорейских экспертов, высокой остается опасность того, что северокорейское руководство сумеет укрыться в подземных сооружениях даже в случае достижения США и Республикой Корея внезапности. Это позволит ему сохранить возможность управления стратегическими ракетными войсками и дальнебойной артиллерией, развернутой вдоль Демилитаризованной зоны [6].

В таких условиях не исключен риск ответного воздушно-космического удара Пхеньяна с нанесением ощутимых потерь союзникам. Поэтому вероятность действий США и РК в соответствии с этим сценарием считается невысокой. Условием для его реализации указывается выявление признаков подготовки КНДР к массированному военному вторжению.

Сравнительная характеристика элементов военных потенциалов стран региона

В целом военно-политический союз США, Японии и Республики Корея заметно превосходит Китай по объему имеющихся финансовых ресурсов (табл. 1).

Табл. 1. Военно-экономические показатели некоторых стран Северо-Восточной Азии в 2019 г.

Страна	ВВП (млрд. долл. США)	Военный бюджет (млрд. долл. США)	Военный бюджет (в процентах от ВВП)	Численность ВС, тыс. чел.	Военный бюджет, долл. на одного военнослужащего
США	16 200	600,4	3,7	1 492	1 896
Китай	9 020	112,2	1,24	2 333	83
Япония	5 150	51,0	0,99	247	401
РК	1 260	30,5	2,42	630	596

При этом учитывается отсутствие точных данных о состоянии военной экономики КНДР, общий размер ВВП которой оценивается на уровне около 40 млрд. долл. США (в 30 раз меньше аналогичного южнокорейского показателя) [1]. Это позволяет сделать вывод о том, что Сеул имеет значительно больше возможностей по финансированию строительства и обеспечению повседневной деятельности национальных вооруженных сил по сравнению с Пхеньяном [10].

Этот тезис подтверждается сравнением других экономических данных (табл. 2). При этом с течением времени южнокорейские индикаторы имеют тенденцию к увеличению, в то время как в КНДР экономика продолжает ухудшаться.

Табл. 2. Сравнение экономических показателей Республики Корея и КНДР в 2019 г.

Страна	ВВП (млр. долл. США)	ВВП на душу населения, долл. США	Численность населения, млн. чел	Средний возраст, лет	Численность мужского населения призывного возраста, чел
Республика Корея	1 260	32 400	49,0	40,2	6,5
КНДР	40	1 800	24,9	39	13,2

В целом, оценивая экономические и мобилизационные ресурсы двух стран, можно сделать вывод, что Республика Корея превосходит КНДР по размеру доходов государства, имеет лучшую систему их распределения и большую численность населения, которое может быть направлено на военную службу.

Заключение

В целом намерения основных государств Северо-Восточной Азии по защите своих национальных интересов создают угрозу дестабилизации обстановки в регионе.

Наиболее вероятными участниками противостояния в этом случае может стать Корейская Народно-Демократическая Республика с одной стороны и альянс США и Республики Корея – с другой. При определенных условиях не исключается участие Китая и Японии в военных действиях. Перспектива участия России в вооруженном конфликте на Корейском полуострове оценивается американскими экспертами как маловероятная.

Соотношение военных потенциалов участников возможной конфронтации не дает однозначного ответа на перспективы завершения такого конфликта, ВС каждого из государств имеют свои сильные и слабые стороны.

Так, КНДР располагает значительными по численности вооруженными силами, заметно превышающими группировку мирного времени Объединенного американско-южнокорейского командования. Северокорейские войска оснащены оружием массового поражения со средствами его доставки и фанатично преданы вождю, готовому их применить для защиты своего режима. Около 70 процентов Корейской народной армии даже в обычных условиях постоянно дислоцированы в непосредственной близости от Сеула (расстояние от южнокорейской столицы до границы Демилитаризованной зоны – около 40 км). Вместе с тем Пхеньян не способен оказывать длительное сопротивление США и РК, ВС которых после мобилизационного развертывания получают подавляющее военно-техническое превосходство по всем показателям.

Республика Корея имеет более компактную армию, оснащенную современными видами вооружения и военной техники. Вместе с тем самостоятельно Сеул готов проводить только оборонительные операции, направленные на обеспечение развертывания американских войск усиления и создание условий для перехода объединенной группировки в наступление.

Вооруженные силы США, несмотря на наличие в регионе значительных по своему боевому составу объединений ВВС и ВМС, характеризуются определенной инертностью. Время, необходимое на переброску войск усиления с континентальной части Соединенных Штатов и передовых баз в зоне Тихого океана, может стоить значительных человеческих жертв среди

населения РК и дислоцированных на Корейском полуострове и японской территории американских военнослужащих.

Участие Китая в таком конфликте также не гарантирует сохранения территориальной целостности КНДР. При этом объединение Корейского полуострова на условиях Сеула противоречит интересам Пекина, поскольку ведет к потере китайцами доступа к природным ресурсам на северокорейской территории, пододвинет американские войска вплотную к границам КНР, а также обусловит гуманитарную катастрофу в северо-восточных провинциях из-за потока беженцев с Севера.

В этой связи открытый вооруженный конфликт не нужен ни одной из сторон. Сохранение же "статус-кво" выгодно Вашингтону, нацеленному на противодействие экономическому и военному усилению Китая, а также Пекину, пользующемуся своим влиянием на Пхеньян [3].

Таким образом, прогнозируется сохранение в Северо-Восточной Азии на среднесрочную (пять – десять лет) перспективу сложившихся условий военно-политической обстановки, характеризующихся столкновением интересов основных государств и регулярными обострениями напряженности на Корейском полуострове из-за непримиримости позиций конкурирующих сторон.

Список литературы

1. Балахонцев Н.И. Зарубежные методы оценки потенциала стран // Зарубежное военное обозрение, 2010, – № 11, С. 101 -104.
2. Белая книга по обороне Republic of Korea Defense White Paper 2018. Seoul, 2018.
3. Валуевский Ю.Н. Теоретические и методологические основы формирования военной доктрины Российской Федерации // Военная мысль. No 3. 2007. С. 14-21.
4. Голубая книга по внешней политике 2018. [Электронный ресурс] URL: [http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense \(English\).com.htm](http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense (English).com.htm) (дата обращения: 09.12.2019).
5. Гордиенко Д.В., Гордиенко Ю.Д. Оценка защищенности экономики Японии при реализации глобальных интеграционных проектов: концептуальные подходы к оценке при реализации Транстихоокеанского партнерства // Экономика и управление: проблемы и решения, 2019, № 3, том 6 (87). – С. 4 –13.
6. Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Глобализация и обеспечение экономической безопасности Китая / Китай в мировой и региональной политике. Вып. XVIII: ежегодное издание / сост. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 296 – 325.
7. Казанин М.В. Вызовы интересам России в контексте реализации концепции национальной безопасности Китайской Народной Республики : диссертация ... Кандидата политических наук : 23.00.04 / Казанин Максим Владимирович; [Место защиты: Рос. Акад. Нар. Хоз-ва и гос. Службы при Президенте РФ]. - Москва, 2013. - 228 с.
8. Китайская военная стратегия // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2015 – 54 с.
9. Министерство обороны Республики Корея. [Электронный ресурс] URL [http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense \(Korean / English\).com.htm](http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense (Korean / English).com.htm) (дата обращения: 11.11.2019).
10. Перцев А.Б. Российско-китайские отношения и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации: автореф. дис. канд.полит. наук. – М., 2011. – 24 с.
11. Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин, 2017 – 56 с.
12. Стратегия национальной безопасности. [Электронный ресурс] URL: [http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense \(English\).htm](http://www.Republic of Korea Ministry of National Defense (English).htm) (дата обращения: 21.10.2019).

13. Храмчихин А.А. Дракон проснулся ?: внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России / Александр Храмчихин. 2-е изд. – Москва : Ключ-С, 2015. – 192 с.
14. Andrew Erickson and Christopher Carlson, «Sustained Support: The PLAN Evolves Its Expeditionary Logistics Strategy,» Jane’s International, – 237 p., p 143.
15. Anthony H. Cordesman China’s New 2019 Defense White Paper // Center For Strategic International Studies / Working Draft 2019 60 p.
16. China,s Incomplete Military Transformation, Assessing the Weakness of the People,s Liberation Army / RAND National Security Research Division, 2017. – 312 p., p 213.
17. The Chinese People,s Liberation Army in 2025 / Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, 2015. – 379 p.

Руслан Полончук